

— В самолёте досыпали недоспанное (а я так вообще ещё не спал), но опять урывками - то воду принесут, то завтрак. Завтракать в самолёте Мите очень нравится - как в ресторане! А после посещения "Меридианаса" он большой любитель ресторанов. В 11 часов утра по алтайскому времени, а в 7 по московскому мы приземляемся в Домодедово и перебрасываемся оттуда в битком набитом автобусе в Москву, а там на Курский вокзал, с которого после обеда поедим во Владимир. Сдаём вещи в камеру хранения и разделяемся на две группы, которые расходятся в разные стороны. Сашуля с Иринкой отправляются по магазинам покупать себе подарки за дни рождения, а мы с Митей - по проторенному маршруту, на ВДНХ!

— В этот раз помимо посещения традиционных своих павильонов "Космос" и "Транспорт" мы побывали ещё в круговой кинопанораме, поглядели на аттракционы (но сами не захотели стоять в очереди), детально осмотрели лесокорчующую технику и надолго застряли в главном павильоне на выставке достижений всех республик, устроенной по типу лабиринта: ходить можно до бесконечности, но очень трудно найти выход. Наконец, выбрались оттуда и пора уже было спешить на Курский вокзал.

— Сашуля с Иринкой за это время отоварились желанными складными зонтиками. Мы встретились в условленном месте, перекусили и отправились на вокзал, где к нам должна была присоединиться Майечка Бирюкова. Ей давно хотелось побывать во Владимире, съездить в Суздаль, и Сашуля с радостью была готова составить ей компанию при удобном случае, который теперь и представился.

— У Майечки здоровье вроде бы пошло на поправку, а главное, огромная гора с плеч свалилась: сын Андрюшка, нехотя и кое-как окончивший школу, также нехотя поступил - таки в военное инженерно-строительное училище в Балашихе, не без протекции, кажется: у Майечки подруга преподаёт в этом училище. Майечка с Геней вздохнули облегчённо, ибо Андрюшка к их ужасу не прочь был и по простому поступить - отслужить в армии и податься в работяги деньги заколачивать.

— С Майечкой мы благополучно встретились и пошли загодя, то есть минут за двадцать до отправления на посадку в электричку. Однако оказалось, что она давно уже стоит у платформы и битком набита пассажирами. Еле-еле мы отыскивали свободные кусочки скамеек и кое-как уселись, а мы ведь ещё с вещами были! Жара, духота, теснота и три с половиной часа дороги впереди! Правда, после Фрязино, то есть через час езды - это первая остановка после Москвы, немного посвободнело, и дальше поезд постепенно разгружался. Митя стойко перенёс и этот этап поездки, он и тут спал большую часть пути, умотавшись на ВДНХ.

— Около семи вечера - в одиннадцать по алтайскому времени, то есть спустя почти ровно сутки после выезда нашего с Петей из Бийска, мы были уже дома во Владимире у Сашулиных родителей, где и отметили за семейным столом шестнадцатилетие нашей дочери, уже по уши влюблённой в некоего Диму, которого я только пару раз видел, да и то мельком.

— Весь следующий день гуляли по Владимиру, показывали его достопримечательности Майе, обошли все музеи к Митиному удовольствию. А ещё через день поехали с утра в Суздаль вместе с бабулей Тоней и провели весь день там, опять же в монастырях и музеях. Половодье туристов в Суздали лишает старину её обаяния, да что поделаешь?

С Майечкой Бирюковой во Владимире, 12 августа 1981 г.

С Антониной Дмитриевной и Майечкой Бирюковой в Суздали, 13 августа 1981 г.

—Погостив два дня, Майечка уехала, а мы ещё побыли во Владимире дня три-четыре, ходили с Митей и дедом Колей на Содышку, пытались рыбачить, точнее, Митя тренировался удочку забрасывать, и какая-то мелочь даже клевала, но вытащить мы ничего не сумели.

—Однажды, к Митиному восторгу мы с ним увидели покалеченный "Запорожец", который неудачно попытался выехать на главную дорогу и столкнулся с ехавшими по ней "Жигулями". Столкновение, к счастью, произошло по касательной, так что "Запорожец" отделался лишь тем, что ему капитально ободрали весь правый бок. Пассажиры не пострадали. Перепуганные, сидели они молча в "Запорожце", осознавая, видимо, вину своего водителя.

—Увидев, как радостно загорелся возбуждением Митя, подходя к месту аварии (он даже закричал: "Вот повезло, наконец!", имея в виду, что рассмотрит "наконец" всё вблизи), я понял, что пора уже с этой страстью бороться, и долго разъяснял ему, что радоваться чужому несчастью очень плохо.

—- А если я бы разбился на мотоцикле, ты тоже бы радовался и кричал, что повезло наконец? Ведь в авариях люди гибнут, а у них и дети могут быть, и родители, и много людей становятся несчастными...

—Митя очень расстроился таким поворотом разговора и оправдывался, что его интересуют не травмы людей, а травмы машин, и ему очень нравится просто, когда железо об железо - бах!

—- А машины тебе разве не жалко? Ведь в них столько труда вложено! Какие они красивые новенькие, и во что превращаются?

—Митя молчал, не зная, что возразить.

—Из Владимира я написал письмо Горну. Что меня на это подвигло? Затрудняюсь сказать. Привычка уже выработалась, что ли, - отзывы да рецензии писать?

___г. Владимир, 18 августа 1981 г.

Глубокоуважаемый Виктор Фёдорович!

Пишет Вам читатель Вашей книжки "Характеры Василия Шукшина" (я купил её этим летом в Бийске, будучи в отпуске на Алтае).

Книжка в целом понравилась, чувствуется Ваша любовь к Шукшину и доскональное знание его творчества. Пересказ и комментарии у Вас органично сливаются с цитатами из Шукшина, но есть места, вызвавшие у меня чувство досады. Моя точка зрения по поводу этих мест, разумеется, субъективна, но мне захотелось её Вам высказать - может быть она Вас заинтересует и окажется чем-то полезной.

Вот одно из таких мест.

На стр. 99 Вы пишете по поводу рассказа "Верую": "Между попом и Максимом происходит разговор, далёкий от религии. Истинно русский разговор о смысле бытия, о добре и зле, о душе человеческой..."

Простите, но почему Вы полагаете, что этот разговор "далёк от религии"? Разве вопросы смысла бытия, добра и зла и души человеческой не являются как раз основным предметом религии? Максим Яриков во всяком случае интуитивно понимает, что это так, и поэтому-то идёт к попу, а не к председателю колхоза, допустим. И поп у Шукшина говорит Максиму: "Ты правильно догадался: у верующих душа не болит" (Вы, кстати, сами цитируете это место).

Красным словом выглядит эпитет "истинно русский" применительно к характеристике этого разговора. Уж точнее было бы сказать "истинно религиозный", хотя, разумеется, в яркой национальной окраске.

Далее Вы пишете: "И оказывается, что этому попу "ничто человеческое не чуждо", а имя бога, в которого он верит, - жизнь" (у шукшинского попа Жизнь с большой буквы). Это Ваше "и оказывается" создаёт впечатление, что позиция попа в беседе с Максимом выглядит для Вас удивительной и неожиданной. Она, может быть, и удивительна, противоречива, но не в этом месте. Ведь сказал Христос: "Я есть Путь, Истина и Жизнь", и поп в своём окончательном кредо по существу не отходит от позиций христианской религии.

По Вашему же в этом рассказе поп оказался чуть ли не неверующим.

Но так ли это на самом деле?

Явное попово вольнодумство есть следствие нелёгких для него попыток осмысления Истины. Мучительность этих попыток и роднит, сближает попа с Максимом. Как всегда у Шукшина, как и в жизни, всё непросто, в том числе и разделение людей на верующих и неверующих. И мне кажется - это сам Шукшин говорит устами попа:

"Я говорю ясно: я хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая всё это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что эта сила победит. Иначе - для чего всё?..."

Я такой силы не знаю. Возможно, мне, человеку, не дано и знать её, и познать, и до конца осмыслить."

Здесь ("я такой силы не знаю") шукшинский поп, действительно, впадает в противоречие со своим статусом. Для верующего христианина эта сила и есть Бог, он же Христос, он же Путь, Истина и Жизнь. Но через полстраницы у попа звучит в полном согласии с христианским вероучением: "Бог есть. Имя ему - Жизнь. В этого бога я верую".

___Теперь другое место Вашей книжки, о рассказе "Залётный" (стр. 106-110). Позволю себе не согласиться с Вами в ряде моментов.

___Ну, во-первых, что это за "доброта того сорта, которая неизвестно чего больше приносит людям - добра или зла"? (стр. 106). Доброта, которая приносит зло, есть

нонсенс. Кто-то, конечно, может назвать добротой то, что на самом деле зло или приносит зло, но ведь в нормальных понятиях это не доброта. Вы даже кавычек не ставите, значит, и по Вашему возможна доброта, приносящая зло. Но ведь Вы - критик, Вам следует корректно пользоваться терминами, в соответствии с их смыслом. Конечно, для живости изложения терминологические вольности допустимы и в критической статье, но здесь Вы пишете о вещах настолько серьёзных (смерть и отношение к ней), что небрежное обращение со словами может сильно исказить смысл Вашего отношения к проблеме.

— У Вас с одной стороны неизвестно, чего больше приносит эта доброта, с другой стороны - "насколько прекрасна" эта же "неподдельная доброта", с третьей - "насколько она не ко времени" (?). У Шукшина же отношение к доброте совершенно безоговорочное, как к сути смысла всякой жизни, которая "всегда ко времени", потому-то его "странные люди" и стоят нравственно выше всех "нормальных", потому-то и тянет мужиков к Сане Неверову.

— Далее. Вы пишете: "Мучительная ненасытимая жажда жизни, которой и отличаются только (?) приговорённые к смерти, делают Саню Неверова по-своему (?) трагической личностью". Вы уверены, что только приговорённые к смерти (и не все ли мы приговорённые к смерти?) испытывают мучительную ненасытимую жажда жизни? По-моему, её каждый раз испытывает всякий одновременно с чувством страха смерти, которое посещает иногда не только приговорённых к скорой встрече с ней.

— Всякая смерть человека - трагедия, смерть же человека ещё не старого (Сане 52 года), ожидаемая с осознанием её неизбежности в самом скором времени, - трагедия не знаю, во сколько раз большая. На мой взгляд, у Шукшина Саня Неверов безусловно трагическая личность, а у Вас же - всего лишь "по-своему".

— Вы пишете: "страх близкой неминуемой смерти болезненно обостряет её восприятие" Неверовым. Вам, наверно, известны случаи безболезненного необострённого восприятия надвигающейся смерти в непреклонном возрасте, но я думаю, что такое восприятие есть патология, ибо смерть в расцвете сил не естественна и не должна и не может восприниматься безболезненно и необострённо. Саня, конечно, не Бог ведь что мудрое бормочет в своей предсмертной тоске, но разве можно его упрекать за это?

— Вы пишете: "всё, что он говорит, - сама истина (?), но относится она только (?) к Сане и ему подобным (?). Станным образом охарактеризовали Вы предсмертный вопль Саниной души, являющийся выражением общечеловеческого бессилия перед смертью.

— И уж совсем незаконным представляется мне Ваше противопоставление Саниного "монолога" "завещанию старика крестьянина, сумевшего и в последний час свой сохранить человеческое достоинство". Что же, Вы не видите разницы между смертью старика и смертью Сани, между естественной смертью в преклонном возрасте, да ещё такой лёгкой, когда ничего не хочется, и смертью, когда можется и хочется жить?

— Вы пишете: "Как ни крути, приходится признать, что культура не слишком много дала Неверову". Возможно, что это и так (о Сане мало известно), но у Вас-то это звучит как непосредственная причина Саниного отношения к своей неминуемой близкой смерти. Но я уже писал выше, что другое отношение было бы патологией, а не результатом воздействия культуры.

— И далее, Вы клеймите (извините за выражение) Саню как "тип интеллигента, обладающего знанием, но не обладающего мужеством утверждать в жизни добро и разум", и который, по Вашему мнению, "не так уж безвреден". И это про Саню, с его "прекрасной", "неподдельной добротой", к которому тянулись мужики, и только за то, что он не сумел победить в себе "беззащитность и неустроенность" и не захотел смириться со своей смертью.

— "Взрослым человеком он так и не стал", - пишете Вы, полагая, видимо, из-за того, что "Неверову как-то не случилось подумать раньше" о возможности своей смерти.

— Ей Богу, это выглядит легкомысленным и несправедливым, даже жестоким приговором Сане. Ведь сказал же Филипп: "Саня - это человек", а Вы его судьбе даже в

праве на трагичность отказываете. У Шукшина же, как обычно, нет и намёка на назидательность в Саниной истории, и есть не просто даже сочувствие, а глубокая любовь к Сане и тоска вместе с ним, то самое чувство, "для которого в человеческом языке названия нет", как Вы сами пишете (стр. 109).

— Шукшин пишет в другом рассказе: "зачем не отняли у нас этот проклятый дар - вечно мучительно и бесплодно пытаться понять: "А зачем всё?", а Вы Саню за этот дар осуждаете. Ни прожить, ни умереть по-человечески не сумел - таким представляется мне Ваше отношение к Сане, чего, на мой взгляд, ни в коей мере нет у Шукшина. Саня был неподдельно добр, а, значит, прожил жизнь истинно по-человечески, не зря к нему мужики тянулись, а всё остальное не столь уж важно (точнее, в первую очередь важно лишь Филиной жене и бухгалтерше). Умер Саня в тоске - и это по-человечески, а не от недостатка культуры, как Вы считаете.

— Похоже, что Вы и сами не вполне уверены в соответствии своей интерпретации шукшинскому взгляду на Саню, когда пишете: "Тут бы можно было и ставить точку, если бы содержание литературного произведения можно было свести к двум-трём мыслям да выжатой из них морали. Но что делать с берёзкой ..." и т.д. Так и осталось неясным, почему же "совсем не сентиментальных мужиков тянуло к Сане". И справедливо заключаете, что в таких случаях "лучше ограничиться цитатой и не пытаться перевести с языка искусства".

— Неожиданно для самого себя я написал слишком много по поводу всего лишь двух мест в Вашей книжке. Пожалуй, пора остановиться. Не обессудьте за возможно излишне резкие высказывания в Ваш адрес, но они ведь не публичны, и Вы, конечно, вправе с ними не соглашаться.

— Искренне желаю Вам успехов в Вашей работе.

Александр Андреевич,
женат, двое детей.

Намгаладзе

38 лет, физик,

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)